

Художественный театр в Париже.

М. Искусств. 30/III 22

Художественников в Париже ждали с большим нетерпением. В день их приезда на вокзал собрались представители французского театра и театральной публики. Посад опоздал на целый час, но все же явился. В торжественной встрече приняли участие лучшие представители французского театра и критики.

Гастроли закончились. Что же, оправдали ли художественники надежды театрального Парижа или ожидавшие их с таким нетерпением обманулись в своих надеждах?

Мы можем судить об этом по отзывам французских газет. Лучшей прессой ждали нельзя было. Рецензия — сплошной восторг, сплошное восхищение.

«Совершенство постановки, великолепие и живопность костюмов, особенно высокое качество главных актеров труппы, их чудесная благотворная дисциплина, глубокая вера, — пишет французский критик Антуан в газете «Информасьон», — выставляют нас лучше почувствовать то усилие, которое мы (французы.—М. Ж.) должны сделать, чтобы вновь овладеть первым местом, которое мы так долго занимаем».

«Ансамбль Художественного театра, — пишет критик Люнье. — По в газете «Журналь», — поражает своей точностью. Это совершенство достигнуто только ценой суровой дисциплины, которой каждый охотно подчиняется во имя веры в общее дело».

Рецензент «Эко-де-Пари» Андре Бонье восхищается постановку «Федора Понинкина», называет ее чудесной. Восторгается Москвитин и заключает свою рецензию следующими словами: «Нельзя вообразить себе постановку прекраснее в искусстве, лучших актеров, более очаровательной заботливости о каждой детали».

Рецензент «Комедия» Габриэль Буассе не только восторженно отзывается о постановке «На дне».

«Все актеры, — пишет он, — остаются простыми и правдивыми, и их обыденная правда вызывает волнения не исключительным обаянием, но большой выразительностью».

Максим Жирар в газете «Фигаро» поражен постановками театра, отсутствием статистов. «Это, — пишет он, — подлинно театр искусства, ибо это театр правды. Он смел по тому, что он не верит бесцельным действиям. Он исповедует полностью, что искусство есть непосредственное видение жизни».

И «Журналь де-Дебаз», и «Нте Парижана», и «Пари-Миди», в целый ряд других газет полны такими или подобными отзывами.

Много похвал достается Станиславскому. Известный французский критик Аири Биду пишет о нем: «Он достиг сценического искусства до совершенства в тонкости, которые не постигнуты нигде в свете, в спектакли, которые он дает, самое прекрасное...».

Критика единогласно отмечает, что спектакли были поняты даже непонимающим русским языком.

Восторженно отзывается о Художественном театре и рабочая пресса. Эдмон Со в «Экр» находит игру артистов великолепной, а Жюль Пино в «Юманите», оценивая постановку «Федора Понинкина», пишет:

«Правда, мы никогда не видели ничего столь же единого, роскошного и сдержанного в роскоши, столь же красочного и великолепного в то же время столь размеренного в красках и великолепии, столь живого, выразительного, исполненного движения».

Что же гонорят эти отзывы? Они снова ярко подчеркивают огромные успехи, сделанные нами на пути прогресса театра, ибо так значительного, что эти отзывы, которыми пострели наши газеты много лет тому назад, теперь заполняют французскую прессу.

Любопытно отметить особое мнение Э. А. Вюста-Даруа в своем журнале «Пари-Миди».

«Зеленые Полюсы», в рецензии о постановке «Вяпирского сада» он пишет: «Шедер Чезова входит во второй, самый опасный период своей жизни, ибо вышедший зритель, знаящий больше автора, хочет найти в пьесе самый прямой, актуальный смысл, в те же самые предчувствия, которые раньше больно волновали его слезую и глупую душу, теперь рассыпаются перед его обостренным зрением. И, пожалуй, недостаточны для его погрывших чувств». Автор рецензии выражает сомнение в том, что когда-нибудь удастся уловить что-нибудь новое в Художественном театре и что когда-нибудь может осуществиться доброе стремление Художественного театра в области выявления своих «новых пикарий».

Буржуазный Париж в восторге от Художественного театра, от его прошлого для нас достижений. Но даже русская эмиграция, по-

видимому, пресытившаяся уже «спешными предчувствиями» театра А. П. Чезова, говорит о необходимости более «обостренного зренья».

Для нас оценка Парижа интересна не как личное признание высокого значения прошлых заслуг Художественного театра, а лишь постольку, поскольку она еще острее ставит вопрос о его будущем в рабоче-крестьянской России. Эпоха прошлого буржуазного мира встречает художественников, как своих идеальных выразителей и вождей. А мы? Что даст Станиславский нам?

Два пути: успокоение на заслуженных лаврах... или движение вперед вместе с нашей новой жизнью и ее требованиями.

Что сможет дать МХАТ по возвращении в Р. С. Ф. С. Р., в связи с теми внутренними сдвигами, которые он уже переживает?

М. Ж.